

В целом диссертация В. С. Щемеровой имеет глубокое содержание, большую научную актуальность. Отмеченные недостатки не умаляют научности проделан-

ной работы, ее важности и весомости для мордовского языкознания.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.4.10>

Дж. Г. Киекбаев, Введение в урало-алтайское языкознание, Уфа, Башкирское книжное издательство, 1972, 151 стр.

Профессор Башкирского государственного университета Джалиль Гиниятович Киекбаев был сторонником родства уральских и алтайских языков. В своих исследованиях, опубликованных на русском и башкирском языках, он старался показать, что общего имеется в грамматической структуре этих языков. Скоропостижная смерть не позволила Киекбаеву издать свои исследования отдельной книгой. По опубликованным статьям и черновым записям его ученики и товарищи по работе издали «Введение в урало-алтайское языкознание». Как видно из вступительной заметки редколлегин, труд Дж. Г. Киекбаева рассчитан на широкий круг лингвистов, занимающихся изучением происхождения, развития и формирования уральских и алтайских языков.

Вопрос о родстве уральских и алтайских языков имеет свою историю. Со времени появления в 1838 году известной работы эстонского финно-угроведа Видемана многие серьезные ученые поддерживали теорию урало-алтайского родства, среди них — Фокош-Фукс, Мункачи, Рамстедт, Коллиндер, Рясанен, Менгес. Другие видные исследователи активно выступали против этой теории и старались доказать, что то общее, что имеется в обеих семьях языков, нисколько не говорит о их родстве, а является случайным или же заимствованным из третьих языков. Поэтому вопрос об уральско-алтайской древней общности до сих пор остается дискуссионным, хотя многие факты так или иначе подтверждают ее существование в далеком прошлом.

Автор рецензируемой книги старался решить проблему родства урало-алтайских языков путем сравнительно-исторического анализа их фонетико-морфологической структуры. Киекбаев был хорошим тюркологом и большим энтузиастом в своей области, но он не был в достаточной степени знаком с историей финно-угорских языков. Поэтому и ему не уда-

лось решить этот сложный вопрос, серьезно интересовавший его.

Книга Киекбаева содержит 21 раздел. В первых четырех разделах приведены общие данные об уральских и алтайских языках, попытках их классификации, образовании урало-алтайского праязыка и языков-основ отдельных групп, а также о времени их территориального разобщения. Автор в общем знаком с той литературой, которая была издана до его исследований по вопросам урало-алтайского родства, но он не всегда правильно излагает данные использованных источников. Кроме того, его критический обзор написан *cum ira et studio*, а не *sine ira et studio*. Пристрастная трактовка использованной литературы характерна для всех разделов книги.

Рецензент, как финно-угровед, может подвергнуть критическому анализу только уральскую часть книги Киекбаева, которая действительно написана на недостаточно высоком научном уровне. В первых четырех разделах имеются, например, следующие ошибки или упущения.

Автор книги говорит то о финно-угорских языках, то об угро-финских языках и констатирует, что имеются советская и зарубежная классификации этих языков. На самом деле нет двух идеологически обусловленных классификаций. Правда, как некоторые советские, так и зарубежные финно-угроведы высказывали отдельные критические замечания о существующей классификации, но это нисколько не свидетельствует о наличии двух различных позиций относительно взаимного родства финно-угорских языков.

Автор книги допускает элементарные ошибки по отдельным вопросам истории финно-угорских языков. Например, он относит к арханческим урало-алтайским чертам такие явления, как наличие *т*-ового инфинитива в мордовских и прибалтийско-финских языках, а также прошедшее неопределенное (неочевидное)

время в эстонском языке (стр. 14). В действительности же все инфинитивы в финно-угорских языках не восходят к финно-угорскому праязыку, а прошедшее неочевидное время эстонского языка — весьма новое явление (см. также стр. 103).

В фонетическом отношении к древним северным урало-алтайским языкам Киекбаев относит эвенкский, бурятский, якутский, башкирский и прибалтийско-финские языки, потому что в них будто бы старый согласный *s* перешел в *h* (стр. 15). Но в прибалтийско-финском языке-основе не *s*, а *š* и *z* перешли в *h* в начале нашей эры. Партитив прибалтийско-финских языков считается древним падежом (стр. 58). Однако древним здесь является только его *t*-овый суффикс (см. также стр. 102).

Без всяких оснований Киекбаев связывает пермский, марийский и прибалтийско-финский формант прошедшего времени *i* с притяжательным суффиксом 3-го лица в тюркских языках и т. д. (стр. 83).

Киекбаев не понял верного утверждения Б. А. Серебrenникова о переходе *ti > si* в прибалтийско-финском слове *vastata-* и ломился в открытую дверь (стр. 85). Автор ошибочно считал эстонский номинатив *raamat* в предложении *osteti raamat* 'купили книгу; книга куплена' винительным неопределенным падежом и на основе этого сделал различные неверные выводы (стр. 91). Так как у Киекбаева были довольно смутные представления о сущности и истории прибалтийско-финских языков, то в своей книге он допустил совсем курьезные утверждения, например, что партитив в карельском языке образовался в результате сращения аффиксов финского и эстонского партитива (стр. 102), что эстонское местоимение *sa* 'ты' (< *sina*) можно связать с алтайскими местоимениями *син|сен* и т. д. или же с разными формантами *-s* (прибалтийско-финские *sina*, *sinä* < *tina* < *tina*). Размеры рецензии не позволяют привести целый ряд других погрешностей, которые существенно умаляют достоинства рецензируемой книги.

В разделах 6—9, посвященных достижением современной урало-алтаистики, Киекбаев дал подробный анализ исследований других авторов, хотя оригинальных

суждений встречается немного. Кроме того, в его положениях встречаются некоторые ошибки (например, на стр. 44 и сл. он привел ряд неправильных этимологий). К противникам урало-алтайской теории он относится весьма недоброжелательно.

Такое же отношение наблюдается у Киекбаева и к теории родства уральских и индоевропейских языков. Положения противников этой теории он считает вполне аргументированными (стр. 61), несмотря на то что в действительности об урало-индоевропейском родстве имеется гораздо больше объективных данных.

Два раздела книги (11—12) посвящены анализу применения методов структурной лингвистики в сравнительно-исторических исследованиях, а также использованию «математических методов в лингвистике в свете системности языка». Эти разделы относятся к основным вопросам книги лишь косвенно. Они являются скорее вступлением к последующим разделам. В последних разделах книги (стр. 75—144) исследуются вопросы определенности и неопределенности (ОПНО): рассматриваются грамматические категории и показатели ОПНО, описываются их основы. Особая глава посвящена основе определенности в венгерском языке и в связи с этим долготе конечных гласных. Киекбаев создал свою лингвистическую теорию ОПНО, опираясь на которую он хотел выяснить происхождение тех или иных грамматических форм урало-алтайских языков. По его мнению, в этих языках возникла категория ОПНО, имеющая свое грамматическое выражение в виде различных суффиксированных, инфигированных и других показателей. Киекбаев справедливо утверждает, что в уральских и алтайских языках имеется категория ОПНО и что в обеих семьях языков в этом отношении наблюдается много общего. Он использовал огромный фактический материал и на основе алтайских и уральских данных пришел к интересным выводам. Так, он показывает, что притяжательное склонение как в уральских, так и в алтайских языках является определенным. И далее, что определенность выражает также суффиксально оформленный аккузатив и т. д. Анализ материала в исследованиях Киекбаева в некоторых случаях все же не отличается особой точностью. Он часто опирается

на данные, которые находятся на разных уровнях и не сопоставимы между собой.

Автор настоящей рецензии был лично хорошо знаком с Дж. Г. Киекбаевым и всегда уважал его энтузиазм и трудолюбие, *sed magis amica veritas*. Если бы скоропостижная смерть не прервала научную работу этого ученого, то он, безусловно, успел бы более углубиться и в историю финно-угорских и самодийских языков и написал бы иначе некоторые разделы своих исследований.

Издатели научного наследия Киекбаева заслуживают упрека в том, что они пропустили многие опечатки и ошибки. Неправильно, например, приведены фамилии и имена ученых: Ф. Е. Видеман, вместо Ф. Й. Видеман (стр. 26), А. Совансо, вм. А. Соважо (29), Г. Андерсон, вм. Н. Андерсон (59), Х. Скельд, вм. Х. Шёльд (60) и т. д. Много опечаток встречается в тексте с латинским шрифтом: *Nordliche*

Reisen, вм. *Nordische Reisen* (29), *egyetemes irodalom*, вм. *egyetememes irodalom* (30 и сл.), *Liederbearbeitung*, вм. *Lederbearbeitung* (48), *ugrofinischen*, вм. *ugrofinnischen* (59), *ötanul, öül* вм. *ö tanul, ö ül* (91), *minäluin*, вм. *minä luin* (101), *só*, вм. *szó* (136) и т. д. Особенно много ошибок в библиографии. Приведено 40 названий книг, напечатанных латинским шрифтом, и только в 14 из них нет ошибок. Приводятся неправильные данные о территории, населенной карелами и ливами (стр. 6). Эстонский языковед А. Раун ошибочно назван финским ученым (стр. 20). Н. Андерсон был профессором в Казани, а не в Дерпте (Тарту) (стр. 59). Венгерское слово *egyetemes* неоднократно переводится словом 'университетский', вместо 'универсальный; всеобщий' и т. д.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

Aurélien Sauvageot, *L'Édification de la Langue Hongroise*, Paris, Klincksieck, 1971. 424 S.

Der Begründer der Finno-Ugristik in Frankreich, der Wissenschaftler, der vor kurzem seinen 75. Geburtstag beging, überraschte seine Leser mit einem neuen, umfangreicheren und gründlicheren Buch als alle bisherigen. Der Wissenschaftler, der die ungarische Sprache auszeichnet, auch in allen Einzelheiten beherrscht, aber sie selbstverständlich von außen betrachtet, gibt dem Leser der französischen Muttersprache und dem französisch Lesenden nicht nur über die uns gut bekannte ungarische Sprachgeschichte, über das Entstehen der Literatursprache und über das System der heutigen ungarischen Sprache eine außerordentlich interessante, unterhaltende und gut übersehbare Darstellung, sondern bereichert auch unsere Kenntnisse mit vielen neuen, frischen, interessanten Gesichtspunkten. Obwohl wir mit ihm nicht in allem übereinstimmen, bringt er uns doch zum Bewußtsein, daß einige der bisher anerkannten Erklärungen irgendwo fehlerhaft sind, daß die heutige Auffassung modifiziert werden muß. Der Verfasser von «*Esquisse de la Langue Hongroise*» (1953) und «*Premier Livre de Hongrois*» (1965) geht in seinem Buch nach der Darstellung des heutigen ungarischen Sprachsystems

von der finno-ugrischen Zeit aus, umfaßt die Gegenwart und wirft auch einen Blick in die Perspektiven der Zukunft.

Nach den Einleitungen (9—13) teilt sich das umfangreiche Werk in acht große Kapitel: 1. Im Dunkel der Vergangenheit (Dans la nuit du passé 15—40), 2. Die ersten Denkmäler (Les premiers témoignages 41—118), 3. Die Sprache der Kirche (La langue d'église 119—171), 4. Die Funktion der Sprache verändert sich (La langue change de mission 173—224), 5. Der heldische Durchbruch (La percée héroïque 225—272), 6. Die Konsolidierung (La consolidation 273—306), 7. Die gegenwärtige Situation (La situation présente 307—355), 8. Probleme und Perspektiven (Problèmes et perspectives 357—407). Der Band schließt mit einer Zusammenfassung (409—415) und einer Bibliographie (417—419) ab.

In der Vorrede spricht der Verfasser darüber, daß Zoltán Gombocz beim letzten Treffen den Wunsch geäußert hat, das sich doch ein ausländischer Wissenschaftler fände, der eine ausführliche ungarische Sprachgeschichte in einer anderen Sprache mit größerem Wirkungskreis schreiben würde. Für ungarische Leser sind schon viele sehr wertvolle Detailarbeiten und